

Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ
Евгения ПАСТЕРНАК

М + Ж

Самое время!

Евгения Пастернак

М+Ж

«WebKniga»

2009

Пастернак Е. Б.

М+Ж / Е. Б. Пастернак — «WebKniga», 2009 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-0931-5

Первый отечественный «книжный сериал», написанный в жанре сверхпопулярного на Западе «иронического любовного романа» (самый известный представитель жанра – «Дневник Бриджет Джонс»). Главные герои (москвич Сергей и минчанка Катя) попадают в череду случайных событий, которые полностью изменяют их жизнь. Если бы они могли читать мысли друг друга... А вот читатели имеют такую возможность (поскольку каждый эпизод романа описан и Катей, и Сергеем) – и обнаруживают, что мужчины и женщины не только чувствуют, но и видят, слышат, думают совершенно по-разному. «М + Ж» позволит каждому читателю как бы примерить на себя эти романтические приключения: странные, смешные и неожиданные. Книжную серию Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «М+Ж» критика назвала «самым смешным и трогательным любовным дуэтом последних лет». Конечно же, кино не могло пройти мимо такого подарка – и вот уже роли Кати и Сергея в фильме «М+Ж» сыграли герои всенародно любимого телесериала «Не родись красивой» Нелли Уварова и Григорий Антипенко. Смотри фильм и читай книгу «М+Ж».

ISBN 978-5-9691-0931-5

© Пастернак Е. Б., 2009

© WebKniga, 2009

Содержание

МЕТРО, КНИГИ И КИТАЙСКИЕ БЛЮДА	6
**	6
*	9
**	11
*	12
**	13
*	14
**	15
*	17
**	18
*	19
**	20
*	22
**	23
*	25
**	26
*	28
**	29
*	31
**	32
*	34
**	35
*	37
**	40
ТОЧЕЧНОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ПРОТИВНИКОМ И УМЕНИЕ ОТКРЫВАТЬ ДВЕРЬ	41
**	41
*	44
*	45
**	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

М+Ж

Любые совпадения с реальными людьми, государствами и климатическими явлениями случайны. При написании книги ни одно нэцкэ не пострадало. Мнение одного автора может не совпадать с мнением другого автора.

МЕТРО, КНИГИ И КИТАЙСКИЕ БЛЮДА

**

Почему в вагонах метро всегда такая тоска? Почему все ветки как ветки, а эта, серая, какая-то особенно нескончаемая? И почему, особенно вечером, так остро чувствуешь себя не дома? Вроде бы метро во всех городах одинаковое, и люди везде одинаковые, а едешь тут одна, и вокруг все чужие. Почему-то кажется, что за тобой следят, кто-то хочет вытащить из сумки кошелек, а вся милиция города существует для того, чтобы проверять паспорт. У меня.

А ведь все было хорошо, никто меня не трогал, но стоило одному менту прицепиться, и теперь в каждом я вижу врага. А они это чувствуют! При виде милиции я инстинктивно втягиваю голову в плечи и пытаюсь сделать вид, что меня нет, но именно меня всегда выдергивают из толпы. Можно, конечно, льстить себе: это потому, что я такая неотразимая... Да, лучше думать, что не заметить меня просто невозможно. И тот мужик так смотрит не потому что убить в подворотне хочет, а потому что любит.

Господи, да что же это такое! Такое ощущение, что последние сто лет я провела в этом вагоне метро. Еще четыре остановки, потом можно расслабиться. Нужно думать о хорошем. Сейчас я приеду к Наташке, она накормит меня чем-нибудь... Нет, сначала мы пойдем в «Перекресток» и это «что-нибудь» купим. Вот интересно, почему, если рядом Наташка, то город совершенно не чужой, а наоборот, родной и знакомый?

Уф, вроде бы тот мужик, что так на меня пялился, собрался выходить. Я, конечно, все понимаю, но без него дышать как-то легче стало. О! Следующая «Чертановская», уже совсем близко. Значит так, сейчас приеду, выйду из метро и позвоню Наташке. Она так часто меняет съемные квартиры, что я адреса не успеваю запоминать. Позвоню, она расскажет, куда идти, и уже через десять минут буду сидеть у нее на кухне, будет мне хорошо и уютно...

Все, «Южная» следующая. Еще пару остановок – и точно клаустрофобия началась бы, я стала бы кричать, головой об стенку биться, меня отсюда на «скорой» увезли бы... Нет, нужно о хорошем думать, тем более, что я уже приехала.

Ну почему, почему, когда я в вагоне – так давка, а как на станции – так никого нет, кроме вон того милиционера? И тут уж себя ничем не утетишь, очевидно, что я здесь самая красивая: тут, кроме меня, никого...

Ну, хоть бы он занялся чем-нибудь, хоть бы ему по рации кто-нибудь позвонил, хоть бы у него зачесалось что-нибудь... Так, нужно изображать аборигена, смотреть прямо, идти уверенно, я тут каждый день хожу, дорогу как свои пять пальцев знаю...

– Девушка!

Ну почему я?! Ах, да, тут же, кроме меня, нет никого. Я же тут единственная и незамеченная.

– Девушка, подойдите ко мне, пожалуйста.

– Что-то случилось?

Дурацкий вопрос.

– Девушка, можно ваши документики посмотреть?

– Зачем?

Нет, я определенно решила побить все рекорды идиотизма. Сейчас мент разозлится, и мне мало не покажется.

– Хочу убедиться, что у такой красивой девушки документы в порядке.

Все... Игриво настроенный милиционер хуже злого. О, поезд следующий пришел. Почему бы в этом поезде не приехать вагону террористов с пулеметами и автоматами наперевес? Интересно, «наперевес» – это как? Наперевес чему?

– Девушка!

– Да-да, я сейчас! Только паспорт найду.

Вот, черт! Одна надежда: пока я буду в своей «маленькой» сумочке паспорт искать, мент поседет, состарится, у него начнется склероз, и он про меня забудет. Та-а-ак, это косметичка, это прокладки, это... А что это, кстати? А-а-а, помню, помню... Стоит, зараза, уже не улыбается, вся игривость пропала. Переходим во второе отделение сумки: тут визитки, права (чего я их с собой таскаю, все равно в Москве на машине не езжу), кошелек... Не поняла, а паспорт где? Ладно, сначала. Это права, это кошелек, а где записная книжка? Если рассуждать логично, то вряд ли из сумки стащили паспорт и записную книжку, а кошелек оставили... Но это – если логично, а как можно рассуждать логично, если над душой стоит этот придурок!

– Знаете, я, кажется, забыла паспорт дома.

– Придется пройти в отделение для выяснения личности.

– Ой, а давайте я лучше домой пойду, поздно уже...

– Вот выясним все, и пойдете.

Вот гад. Еще один поезд. Ну хоть бы какой захудалый «челнок» с сумкой размером с вагон метро. Зажрались они тут, в Москве, у нас дома каждый второй с такой сумкой ходит.

– Молодой человек, простите, товарищ милиционер, я вас умоляю, отпустите меня домой, я целый день на выставке отработала, я есть хочу!

Главное – улыбаться пожалостливее, это легко получится, я действительно ужасно голодная. Где я могла забыть паспорт? Скорее всего, на выставке. Мне показалось, что сумочка слишком тяжелая, я выложила из нее кучу всяких бумаг и оставила на стенде. Наверное, паспорт завалился между ними... И записная книжка тоже... Боже мой, а как же я Наташке позвоню?! Дура, сколько раз собиралась ее телефон на SIMку записать! Черт, черт, черт!.. А, может, она сама перезвонит? Подождет часик, а потом начнет меня искать? Нет!.. Она же мой новый мобильник просто не знает! Вот только плакать не надо, терпеть не могу женщин, которые что-нибудь выплакивают. Еще не хватало перед этим истуканом разреветься.

– Ну, отпустите вы меня.

– Я вас в отделение отведу, пусть они отпускают.

Отлично, вот там и переночую. Только не реветь, да нет же!.. Все, поздно... Может, если я на поверхность выйду, то вспомню, где Наташка живет, я же была у нее, пусть год назад, но была...

– Вы тут кончайте рыдать, паспорт с собой носить нужно.

Рыдать? Это я пока не рыдаю, это я только всхлипывать начала. А что делать? Ну, хоть люди на станции появились.

– Привет, Катерина, ты уже и милиции скандалы закатываешь, не мне одному мучиться?

Катерина? Это я Катерина? То есть я, конечно, Катерина.

– Что, опять паспорт дома забыла? А меньше нужно орать по утрам, а больше головой думать. Товарищ сержант, это моя жена. Вот мой паспорт, вот мои ключи от квартиры, а вот ключи, которые она мне сегодня в лицо швырнула. Скажи спасибо товарищу милиционеру, что он тебя здесь задержал, а то бы ты все это время у подъезда куковала. Идем домой, давай сумку. Что ты в ней все время таскаешь, она же у тебя как кирпичами набита. Все, пошли!

Все, иду. В голове ни одной мысли. Ни одной. Если этот мужик хочет спереть у меня сумку, то сейчас мы выйдем на улицу и он убежит.

Права жалко.

– Послушайте, отдайте мне сумку, она же, правда, как кирпичами набита.

– Отойдем подальше, отдам. Мент все еще нам вслед смотрит.

– А почему он меня отпустил? Может, он сейчас подкрепление вызовет?
– Не вызовет, я ему в своем паспорте сто рублей сунул.
– Обычно пятидесяти хватает...
– Я хотел, чтобы молча отпустил, без лишних разговоров.
– Все, спасибо, мы уже из метро вышли, давайте мою сумку, я домой пойду, мне в другую сторону. Давайте я вам сто рублей отдам.

Интересно, куда это он меня так уверенно ведет? Почему я за ним вообще пошла? А почему он меня по имени назвал?

– Ой, поняла! Вы меня знаете, да? Вы же мое имя знаете! Мы у Наташки встречались? Представляете, а я ее адрес на выставке забыла, совершенно не помню, куда идти. Как хорошо, что вы меня встретили, а то я даже телефона не знаю.

Господи, какое облегчение! Хоть плачь от радости.

– Понятно, переночуешь у меня, а утром с твоими делами разберемся.

– Почему у тебя... У вас... Мне на работу утром...

– Значит, вечером приедешь, вечером разберемся.

– Но я... но мне... Я не могу... Мне позвонить надо, меня ждут...

Просто Цицерон в юбке, само красноречие. Странная женская особенность: как только рядом появляется человек, который за тебя думает, собственный мозг отключается. Я даже не могу сообразить, в какую сторону от метро мы пошли. Куда я иду? Зачем?! Этот тип убьет меня где-нибудь в подворотне, а я потом даже не смогу объяснить, где это произошло. Почему он меня не отведет к Наташке? Может, с ней случилось что?

– Меня Сергеем зовут, а тебя?

Как это: «А тебя?». Он же меня знает... Или нет? Или с кем-то спутал?

– Катя. В смысле, Катерина Ивановна.

Никакой реакции. Аферист? Или маньяк? А если маньяк, зачем представлялся?

– Да не собираюсь я тебя убивать. На, возьми платок, вытри правый глаз, у тебя тушь размазалась. Правый глаз с другой стороны.

– С другой стороны чего?

– С другой стороны носа. Ты левый вытираешь.

Все он знает! Где правый глаз, знает, и что тушь размазывается, знает.

– Значит так, запоминай мой адрес. Нет, не запоминай, я тебе на бумажке напишу в пяти экземплярах и в сумке разложу по разным местам. Может, один – случайно – не потеряется. Ну, вот, слава богу, ты улыбаться умеешь. А то я подумал, так и будешь скорбеть вечно. Все, расслабься. Неприятности закончились. Этаж хотя бы запомни. Девятнадцатый. Что ты знаешь про цифру 19?

– Это не цифра, а число.

– Какая радость, ты начинаешь что-то соображать!

Девятнадцатый этаж. 19 этаж... Никаких ассоциаций, запомнить невозможно. Господи, что я делаю, куда меня несет?! Убийство в лифте... Так просто, что даже не страшно. Нужно хоть мужика рассмотреть, а то он меня убьет, а я его потом не опознаю. Обычный мужчина. По закону жанра должен быть жгучий брюнет, ростом не меньше 188. По закону жанра я должна сейчас испытывать страстное желание и погибнуть в неравной борьбе с ним... А я ничего не испытываю. Может, я фригидная? Конечно, хорошо испытывать желание, когда ты красивая, уверенная в себе блондинка с талией шестьдесят сантиметров. А когда тушь потекла, когда нос красный и жрать хочется? Вот умоюсь, причешусь, поем и тогда посмотрю на него еще раз. Хотя куда мне есть. Если даже совершенно незнакомый мужик не пытается ко мне пристать, значит точно килограмма три сбросить нужно.

Настроение у меня с самого утра было хорошее.

Правильное слово «настроение», оно происходит от «настроить», «настраиваться». Вот настроился с утра на положительные эмоции – и все пошло как по маслу.

Началось с того, что директор, придя на работу, обнаружил меня на боевом посту. Я листал принесенную вчера рукопись с таким утомленным видом, что издали было видно: человек с рассвета трудится (на самом деле – двенадцать с половиной минут). Повертев носом, директор поинтересовался, готовы ли обложки, узнал, что в ближайшее время я новых книг в производство сдавать не собираюсь, буркнул: «Завалили работу в компьютерном отделе!», и скрылся в кабинете.

Я тут же показал директорской спине язык, чем заслужил залиvistый смех Кати. Катя была младшим редактором и, следовательно, моим подчиненным, но хохотала не из подхалимажа, а от стремительности юной души.

До ухода директора по очередным таинственным «делам» я успел отклонить две рукописи, заинтересоваться одной, написать пять писем авторам, которые уже полтора года находились в бегах, и посетить сайт anekdot.ru. Затем, дождавшись, пока рокот начальственной «мицубиши» затихнет за поворотом, объявил второму младшему редактору Рите, что должен съездить на выставку, а потом провести кое-кого из потенциальных инвесторов.

– А-а-а, – сказала Рита и внимательно посмотрела на воротничок моей рубашки.

Когда-то я опрометчиво явился в издательство с помадой на воротнике, и с тех пор ехидные коллеги женского полу при каждой моей отлучке интересовались состоянием этой почти интимной части одежды.

Проигнорировав непочтительность, я двинулся навстречу приключениям. С инвестором (моим бывшим соседом по общежитию) мы прекрасно пообщались по телефону, пока я шел к метро. Получив легко прогнозируемое «Да пошел ты со своими книжками!», я с чувством перевыполненного долга двинул к Маше.

Цветы на сей раз выбирал тщательно и даже сопровождал их коробкой хороших конфет. После прошлого раза следовало быть паинькой. Бинарная смесь «цветоконфеты» оказала свое обычное нервно-паралитическое действие. Машка – существо воздушное, но практичное – подулась, но все простила и была со мною ласкова необыкновенно. Как оказалось позднее, не без умысла.

Когда я валялся (беззащитный, романтический и после душа) на ее упругом диванчике, хозяйка нежно прильнула ко мне и попыталась завести абстрактный разговор, от которого за километр веяло маршем Мендельсона. Но даже это не испортило мне настроения. Просто во внутреннем блокноте напротив имени «Мария Концевая» появился жирный черный крестик.

Словом, когда я добрался до станции метро «Южная», душа если не пела, то насвистывала какую-то очень жизнерадостную мелодию. Хотелось совершенно бесплатно сделать кому-нибудь хорошо. Объект не заставил себя ждать.

Объект стоял перед кособрохим ментолиционером и нервно рылся в сумочке. Блюститель прописки смотрел прямо перед собой с непроницаемостью мусорного бака.

– Документики, гражданка, с собой носить надо, – монотонно бубнил он. – Пройдемте в отделение.

Гражданка суетливо возражала, что она вот где-то вот тут сейчас чего-то найдет, и продолжала рыться. По ее судорожно-беззаботному лицу было понятно, что никакого паспорта у нее с собой нет, и дамочка просто тянет время.

Вообще говоря, незнакомка мне сразуглянулась, хотя ничего особенного из себя не представляла. Она не была ни слишком молода, ни слишком красива (я и не люблю таких). В меру

рыжая. Одета без шика, но со вкусом. Ножки не слишком худые и впечатляющей длины, хотя и в пределах разумного. Грудь вроде ничего, впрочем, при современном уровне бюстгальтеростроения такую грудь может позволить себе кто угодно. Возраст – около тридцати, мой любимый, сразу не определяемый. Взгляд, полный горя и размазанной туши.

Словом, если бы не поэтическое томление души, прошел бы мимо, и ничего бы в груди не екнуло.

А поскольку екнуло, то я двинулся не мимо, а прямо на сладкую парочку.

– Катька! – воскликнул я как можно грознее. – Ты где ходишь? Опять во что-то вляпалась? Ты уже и здесь скандал закатила?

Нахрапистость, или, как выражаются грубые люди, нахальство – второе счастье. Первое счастье – обеспеченность денежными знаками. Мент ощутил во мне присутствие двух счастья одновременно и переключил внимание с безденежной клиентки на меня. Уже через пять минут мы расстались, довольные друг другом: сто рублей – прекрасный повод для взаимопонимания. Женщина, которую я окрестил Катериной, к счастью, оказалась сообразительной. А может, была ошарашена. Во всяком случае, вела она себя правильно: заткнулась, кивала в нужных местах и только после выхода сержанта из зоны слышимости потребовала назад сумку. Еле удалось убедить ее, что не стоит дразнить гусей, даже если в зобу у них новенькая сотенная.

Выводя незнакомку из пасти метрополитена, я чувствовал себя Героем Советского Союза Водопьяновым, вывозящим со льдины первую партию больных и обмороженных челюскинцев. На по-вечернему освещенной улице моя новая знакомая показалась мне даже симпатичной. Для улучшения экстерьера я не пожалел свежего носового платка, которым дамочка принялась выковыривать тушь из зареванных глаз. В порыве благородства я решил донести сумку до нужного места.

Выяснилось, что нужное место – моя собственная квартира, потому что прекрасная незнакомка оказалась в чужом городе без документов и адреса своей подружки.

«Может, аферистка? – встрепелось мое тренированное здравомыслие, но тут же получило отпор от романтики: – Слишком уж сложно! Это твой шанс, дубина!»

Благодарушно простив романтике «дубину», я выкатил грудь и перешел на «ты»:

– Меня Сергеем зовут. А тебя?

– Катя, – протянула она, озираясь в сторону не видимого уже милиционера.

– Да не бойся, – усмехнулся я, – не убью!

Моя новая знакомая затравленно втянула голову в плечи, а я вдруг сообразил:

– Что значит «Катя»?

– Значит, Екатерина, – собеседница посмотрела на меня круглыми, как у селедки, глазами и добавила: – Ивановна.

– Ладно, – покладисто сказал я, – Екатерина Ивановна. Переночуешь у меня. А чтобы не потерялась по дороге, я тебе свой адрес на бумажке напишу. В пяти экземплярах.

И повел нежданную вечернюю добычу в свое двухкомнатное логово.

**

Когда я поняла, что мое имя Сергей просто угадал, то изо всех сил постаралась расслабиться. Как ни странно, получилось. У него оказалась нормальная холостяцкая квартира: с одной стороны, уютная, с другой – в меру грязная и неухоженная.

Сергей, не умолкая ни на минуту, приготовил простой ужин и даже вытащил откуда-то бутылку вина, – весьма кстати, потому что, оказывается, вся эта история здорово расшатала мне нервы. После первого бокала перестали дрожать руки, а после второго я окончательно успокоилась. Я просто забыла, что с этим мужчиной знакома всего пару часов...

Это я обнаружила, случайно глянув на часы. Мы легко трепались на околонкижные темы, нашли пару общих «шапочных» знакомств, выдули бутылку вина и чувствовали себя совершенно замечательно. Но, кроме относительного времени, часы показывали еще и абсолютное. Стукнуло двенадцать часов ночи. Пора спать.

– Сергей Федорович, спасибо за все, я очень устала, спать хочу страшно, можно, я уже пойду...

Слова еле выдавливались. Ни простоты, ни естественности... Что делать? Как себя вести? С одной стороны, не хотелось изображать из себя жеманную недотрогу, с другой, нельзя, чтобы он воспринял мое поведение как намек на то, что я не против.

Если бы мы были знакомы получше, я бы в лоб спросила, где кто сегодня будет спать. А вдруг он и не собирался ко мне приставать? Я полезу с какими-то дурацкими вопросами, а он будет смотреть на меня, как на последнюю дуру... Еще подумает, что напрашиваюсь. Мне стало так стыдно, что даже жарко. Я быстренько сделала вид, что зеваю, и, закрыв лицо руками, сбежала из кухни.

Надеюсь, он не воспринял мое бегство как намек на то, что нужно побыстрее ко мне присоединиться. Да-а. Ничего себе у него постелька... Метра два на два, но подушка одна, одеяло одно, – как будто ничто не говорило о том, что у него на сегодня какие-то планы. Ладно, разберемся.

Улеглась, а сна, само собой, ни в одном глазу. Интересно, что он там делает. Небось, душ принимает. Сейчас завалится в комнату, такой выбритый, благоухающий, и скажет какую-нибудь пошлятину, типа «не найдется ли для меня местечка?». Фу! Гадость какая!

Что-то он долго не идет... Наверное, паузу держит. Ждет, когда меня разморит после вина, он придет, а я тут такая сонненькая, тепленькая, он ко мне под одеяло юрк... А я ему ногой в пах бабах! А чего лезешь!..

Что-то он еще не пришел, а я уже издергалась вся. Пойти, что ли, посмотреть, чем он там занимается? Тогда он точно решит, что я его ждала...

Нет, сил нет ждать. Пойду, посмотрю, а если его встречу, скажу – в туалет, тем более, что это будет кстати.

Когда я крадучись вышла из комнаты, то увидела, вернее, услышала, что хозяин квартиры спит мертвым сном.

И только усталость так и не позволила мне разобраться, почему, кроме огромного облегчения, я испытала совершенно неуместное разочарование. И злость. Я тут про него думаю, а он в это время спит, а еще...

На самом деле я заснула гораздо быстрее, чем подумала.

Продолжая партию доброго самаритянина, я всю дорогу до квартиры развлекал гостью изящной светской беседой, от которой оторвался лишь однажды – открыть дверь. Надо признать, что операция эта требует полной концентрации внимания даже от меня. Посторонний человек ни за что не проникнет (не покинет) в мою крепость, даже вооруженный всеми ключами. Там нужно эдак потянуть, одновременно приподнимая ручку под углом шестьдесят два градуса и надавливая на левый нижний угол двери носком ботинка.

Впрочем, Екатерина Ивановна любезно не заметила секундной заминки в беседе и вообще была естественна и расслаблена.

– Хорошо еще, что косметичку не забыла, – заявила она с подкупающей искренностью, – завтра я была бы похожа на пугало!

Тут она на себя наговаривала. Смыв под душем слой штукатурки, Катя стала даже привлекательнее. И это становилось все большей проблемой. То, что Екатерина Ивановна также работала в книжном бизнесе, никак не делало нас с ней существами среднего пола. Бутылка красного сухого ситуацию только усугубила.

Слушая ее полусонную болтовню о том, что она благодарна, и все такое, а завтра с утра поедет на выставку и найдет там блокнот и паспорт, и как хорошо встретить в чужом городе коллегу, а то что бы она делала сейчас, просто непонятно, – слушая все это, я напряженно размышлял о предстоящей ночи.

Не попытаться не приставать к ней я не мог.

Молодая привлекательная дама, ночь, вино, романтическое знакомство... И вообще, что подумает гостя, если к ней не поприставать? Решит, что я голубой? Нет, не похож. Значит, импотент. Ну уж нет! Лучше по физиономии получить, чем так опозориться! С другой стороны, мы с Машкой сегодня на радостях выполнили недельную норму любовных утех, поэтому секс-феерия в моем исполнении вряд ли получится. Получится один невыразительный раз. В лучшем случае. А если буду слишком много об этом размышлять, и одного раза не видать.

Словом, я с большим облегчением дождался, когда моя женственная коллега с хрустом зевнула, попросила поставить будильник на семь и побрела в комнату. Допил вино, разложил гостевую тахту, а затем, так ни на что и не решившись, завалился спать.

**

Утро было замечательное. Бывает, что просыпаешься в хорошем настроении без всякого повода. Просто все хорошо.

Меня начал душить практически беспричинный смех: я вдруг увидела ситуацию со стороны, представила, как буду рассказывать эту историю, и с каждой минутой веселилась все больше и больше.

Вот как объяснить Наташке, почему я не пришла ночевать? Я тут же живо представила себе все, что скажет моя подруга по этому поводу. Она ждала, волновалась, а я с каким-то мужиком шлялась.

То есть получилось, что я сняла в метро мужика. Вернее, он меня снял. За сто рублей. Дешевка! Правда, я и эти деньги не отработала, так что не дешевка, а халява...

А мент у нас был чем-то вроде сутенера.

Представляю себе: бандит, который выкупает меня у мента, чтобы впоследствии надругаться в лифте. И всего за сто рублей.

Светило солнышко, вид из окна девятнадцатого (надо же, запомнила) этажа открывался просто прекрасный, и я бегом поскакала в душ, чтобы успеть туда раньше хозяина квартиры.

Могла бы и не спешить – он спал в той же позе и, похоже, в ближайшее время не собирался не то что вставать, но даже и шевелиться.

Ванная меня окончательно развеселила. Чего тут только не было! Вернее, кого тут до меня только не было!

Шампунь для сухих поврежденных волос, бальзам для жирных, сеточки для волос, прокладки, зубных щеток целая жменька. Да... Нужно все-таки к Сергею Федоровичу получше присмотреться, не зря же дамы сюда табунами ходят.

В ванной обнаружилось абсолютно все необходимое для того, чтобы окончательно поднять мне настроение. Даже мой любимый шампунь, даже крем для рук и даже фен.

А дальше случилась очень странная вещь. С чистой высушенной головой я пришла в комнату, открыла дверцу шкафа в надежде обнаружить там зеркало (с чем всегда плохо в холостяцких квартирах, так это с зеркалами), и увидела в шкафу женское платье.

Бежевое.

Точно такое же, какое я сшила себе на Новый год, тут же посадила на него пятно, и так и не донесла до химчистки. Платье мне страшно нравилось, очень мне шло, и меня тут же задушила обида, что кто-то еще мог сшить себе такое же.

Как же так? Не могли ведь два разных человека сшить себе одинаковые платья из одинаковой ткани!

Я взяла его в руки и обомлела. Пятно было на месте.

А дальше я просто сделала то, что показалось мне в данной ситуации совершенно естественным: прямо с платьем в руках пошла к Сергею Федоровичу, и, когда добилась того, что он не только открыл глаза, но еще и заметил меня, задала простой вопрос:

– Откуда у вас это платье?

Утром я долго пытался сообразить, что это за тетка трясет меня за плечо и спрашивает: – Сергей Федорович! Откуда у вас в шкафу мое желтое платье?

Господи Иисусе! А также Магомете, Иегове, Будде и прочая! Да кто ж такие вопросы на непроснувшегося человека обрушивает? Или я должен одновременно сообразить, где я, с кем разговариваю, какое такое платье, почему в моем шкафу и вообще, что здесь происходит? Почему нельзя было разбудить меня нежным поцелуем и запахом свежесваренного кофе, подождать, пока я увижу мир во всей полноте красок, после чего представиться, ознакомить с кратким содержанием предыдущего вечера (а вдруг у нас что-нибудь было?) – и только потом вскользь упомянуть о каком-то там платье?

Естественно, я понятия не имел, откуда у меня в шкафу какое-то там платье! Я даже день недели не назвал бы в этот момент! Выручила выработанная за годы общения с женщинами привычка врать (что делать, приходится говорить на языке, который понятен собеседнику). Не приходя в сознание, я выдал какую-то фантазмагорию с участием десятка вымышленных персонажей – и начал просыпаться. И чем сильнее я просыпался, тем глупее себя чувствовал. А какого, собственно, хрена? Чего это я перед ней оправдываюсь? Навязалась тут на мою голову...

Рассвирепев, я оборвал свою увлекательную историю о бедной сестре из Киева (о какой сестре? из какого Киева?) и демонстративно отвернулся к стене.

Тут до меня дошло, что Катя (о, имя вспомнил!) уже минут пять заливается, как табакерочный чертик – их теперь в каждом сувенирном магазинчике продают. Надо было бы обидеться, но я не смог. Мне почему-то казалось, что моя гостья хохочет не надо мной, а вместе со мной. Я тоже развеселился – особенно когда представил, как это все выглядит со стороны.

Вообще-то я попытался хранить демонстративную угрюмость, но долго не продержался, потому что Катерина перехватила эстафету и поведала небывальщину о том, как и где она то ли покупала, то ли шила это самое платье. Мне было сообщено полтора миллиона подробностей о размере выточек, тетке, которая стояла перед кем-то в очереди, подробном маршруте следования до портного и предположительном химическом составе Большого Пятна.

Трудно теперь понять, что в тот момент так меня рассмешило, но приходилось кусать себя за губу, чтобы не смеяться. Наверное, больше всего меня забавляла непосредственность, с которой гостья обрушивала на меня уйму совершенно не нужных мне подробностей.

Чтобы отвлечься, я пытался вспомнить, кто из моих знакомых носит бежевое платье. Машка? Нет, она, кажется, в джинсах ходит. Юлька? А в чем ходит Юлька? Наверное, тоже в джинсах. Или боевая подруга молодости Ольга? По-моему, в юбке. Я точно помнил, что долго не мог найти на этой юбке застёжку, а Оленька только подхикивала. Или это была Машка? Точно, Машка, потому что Ольга носит джинсы! Кажется...

Тут я проснулся окончательно.

– Эй, – сказал я, уже не скрывая буйного веселья, овладевшего мной, – как ты себе это представляешь? Тетка пришла ко мне в платье, а ушла голая? Или ты думаешь, что я тут в свободное от работы время шью-крою?

По-моему, Катя обиделась.

Ну и ладно!

**

Первые десять минут он нес какую-то ахинею про то, что:

– Ты ничего такого не подумай, приезжала моя сестра из Киева...

Вот представьте себе картину: практически голый мужик лежит передо мной на диване и, не просыпаясь, с разгона начинает наворачивать совершенно продуманную историю о сестре, которая здесь останавливалась буквально неделю назад, и забыла это... то, что нужно, то и забыла...

Как говорил Воланд: «Интереснее всего в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова».

Было очевидно, что Сергей профи, я его невольно зауважала. Но, поскольку верить в эту галиматью мне было не обязательно, я решила его подколоть.

Какой-то чертенок во мне с утра поселился, который меня щекотал, заставлял смеяться и делать всякие глупости.

С совершенно серьезным видом, я начала задавать вопросы:

– А на какой улице живет твоя сестра?

– Независимости.

Молодец какой, сообщает быстро!

– Виден ли у нее из окна Днепр?

– Ну, немного... пожалуй, да.

Наверное, у него в голове происходил в это время сложный мыслительный процесс, а потом он решил, что Днепр – река длинная. Ее отовсюду видно.

– А чуден ли Днепр при тихой погоде? – даваясь от смеха, спросила я.

– Да, – немедленно ответил Сергей, а потом, видимо, проснулся и рявкнул: – Не твое дело!..

Тут я уже не выдержала и расхохоталась в голос.

Он надулся и уткнулся в стенку.

– Понимаешь, мне кажется, это мое платье, – отсмеявшись, сказала я.

Тишина.

– Ой, извини. Ничего, что я на «ты»? Просто у меня с утра настроение уж очень хорошее, даже подозрительно.

Тишина.

Тогда я решила все объяснить. Рассказала, как ходила выбирать ткань. Что на самом деле я никогда не ношу платья, а тем более какие-то бежевые. Но тут, перед Новым годом, мне захотелось именно платье, а когда я увидела в магазине этот трикотаж, у меня просто руки затряслись, потому что я поняла, – именно это мне и нужно. Рассказала про Новый год, какой он получился веселый, но холодный. Как мы все танцевали до пяти утра. А утром я обнаружила, что на платье пятно. Сначала очень расстроилась, а потом поняла, что ничего страшного, только стирать его дома побоялась. А поскольку повода надеть его еще раз с тех пор не представилось, до химчистки я так и не дошла, а висит оно все это время у меня в шкафу, вернее, теперь уже у вас, вернее у тебя. Это ничего, что опять на «ты»? Посмотри, вот пятно, похоже на кошачью мордочку...

Со стороны дивана уже некоторое время доносилось какое-то странное похрюкивание.

Когда Сергей повернулся посмотреть на пятно, мы поменялись ролями. Потому что теперь он хохотал в голос, а я стояла над ним с дурацким видом. Видимо, не только дурацким, но и несчастным, потому что он внезапно сжалился и ответил, что, во-первых, понятия не имеет, откуда это платье взялось. И, если рассуждать логично, взялось ему неоткуда. Женщины тут не живут, только ночуют. И если даже одна из них и пришла в этом платье, то должна

была в нем и уйти. А во-вторых, мало ли на свете одинаковых платьев, это у меня нервное потрясение сказывается.

Все возражения по поводу того, что вот эту вытачку я сама придумала, такой ни у кого больше быть не может, были отмечены с негодованием. По-моему, больше потому, что Сергей просто не понимал, о чем речь. В конце концов я решила махнуть на все рукой, тем более, что уже давно пора ехать на ВДНХ. Я запихала платье в шкаф, еще пару раз, на ходу раскланиваясь, одновременно крася губы, собирая сумочку, проверяя мобильник, сказала дежурное «спасибо за все». И наконец выскочила из квартиры, даже не успев подумать о том, что больше никогда здесь не окажусь.

*

Как я ни пытался убедить себя в том, что ничего позорного для меня не произошло, настроение оставалось отвратительным.

Как следствие, весь день полетел к чертям собачьим, а оттуда, не задерживаясь, к фене. К едрене фене.

Все утро я провел в размышлениях о разных странных и безрадостных вещах: о платье, неведомо откуда возникшем у меня в шкафу, о гостье, имя которой я угадал с первого раза, о бездарно проведенной ночи. Но самой странной и безрадостной была необходимость вставать и тащиться на работу.

О, как я был прав! «Я же знал, я знал, – говорил в таких случаях один мой знакомый топ-менеджер, – я же не хотел сегодня выходить из дому!»

**

День выдался суматошный, но веселый.

Во-первых, я замечательно выглядела. Это отражалось не только в зеркале, но и в глазах встречаемых мужчин. Как следствие, от метро до павильона я практически скакала на одной ножке, привлекая к себе все больше внимания, что еще больше поднимало мне настроение.

Первым делом я разыскала паспорт и записную книжку. Вторым позвонила Наташке, попыталась все рассказать, но услышала что-то вроде:

– Перед мужем отмазываться будешь, а передо мной не нужно. Могла бы просто позвонить и сказать, что не приедешь.

– Так я же объясняю, забыла записную книжку...

– Ага... Сегодня-то приедешь?

Я клятвенно заверила, что приеду, что прямо сейчас выучу наизусть ее телефон и адрес, и если меня завтра разбудят среди ночи, то он у меня от зубов отскакивать будет.

– Я тебе сама позвоню, – мрачно заявила Наталья и повесила трубку.

Наташка с утра всегда мрачнее тучи, это не ее (да и не мое) время суток, так что я совершенно не расстроилась, но номер ее в SIMку вбила, и адрес для верности в рабочий блокнот переписала.

Следующие несколько часов были посвящены объяснениям того, что вот этой книги нет в продаже, потому что она вышла, и тираж уже закончился, а вот эта еще не вышла, и тираж, соответственно, не начинался. И что если вам эта книга не нравится, то никто не заставляет вас ее покупать, и даже наоборот, если вы от нашего стенда отойдете, то мы будем вам очень признательны. Короче, совершенно обычный рабочий день.

Часов в двенадцать я решила пойти прогуляться по выставке, а заодно чего-нибудь перекусить. Пококетничала с продавцом, заказала себе традиционный пирожок, полезла в сумку за кошельком – и обалдела. В сумке лежали чужие ключи. Правда, на этот раз никакой мистики не было. Я их сама туда положила, в метро. Когда Сергей махал перед носом милиционера второй связкой ключей, я их забрала (по легенде это были мои ключи), кинула в сумку. И забыла о них в тот же момент.

Ну, и что теперь с этими ключами делать? По логике, конечно, нужно отдать. Но адреса-то я не знаю!.. Беда с этими адресами. Этаж помню, этаж девятнадцатый... Что он там говорил? Что напишет мне адрес в пяти экземплярах? Не написал, конечно... Эти мужики, они такие, только языком трепать умеют, как до дела доходит, так их и нет...

Поразмышляв еще немного, я поняла, что сделать все равно ничего не смогу, расслабилась и опять начисто забыла про ключи.

*

На работу я опоздал. Это еще бы и фиг с ним, но я пришел много позже Директора. Сегодня в офисе бушевал именно Директор – с большой буквы, а не директор и тем более не *директор*. Сегодня Директор решил поруководить издательским процессом.

Началось такое... Дилетант, который начинает руководить специалистом, – это похуже обезьяны с гранатой. Потому что граната обычно не возражает, не переживает и не прикидывается, как ей все это наруководженное придется завтра разгребать.

Чтобы было веселее, в разгар рабочего дурдома позвонила Маша. Она переживала. Плакала. Бросала трубку. Не брала трубку.

И знаете почему? Во сне она увидела, что я ей изменяю!..

...С другой стороны, если бы я не наорал на нее, пришлось бы орать на директора. Или убить кого-нибудь. Можно считать, я легко отделался.

Примерно так я утешал себя, возвращаясь в свою уютную обитель по завершении безумного дня.

Так вот хренушки вам, а не завершение – возле подъезда я наткнулся на охранника Петровича, который беззастенчиво лапал мою вчерашнюю гостью Катю.

Я так думаю, что Машка своими бестолковыми звонками спасла жизнь именно Петровичу.

**

На этот раз к станции метро «Южная» я подъезжала совершенно в другом настроении. С Наташкой созвонилась заранее, она должна была ждать меня дома, адрес я выучила. В метро толкалась куча народу, милиция никого не трогала, и я благополучно вышла на поверхность. На всякий случай сверившись с бумажкой, я двинулась вверх по улице, разыскивая нужный дом, и так увлеклась, что не сразу поняла, что меня кто-то зовет.

– Катенька, здравствуйте. Как хорошо, что вы вернулись.

Я тупо уставилась на возникшего рядом пожилого милиционера, который ласково улыбался, и похоже, собирался меня обнять.

Сказать, что я удивилась, значит ничего не сказать. Я остолбенела. А милиционер-пенсионер замолкать не собирался.

– Ой, извините, я вас, кажется, напугал. А я сегодня в ночь дежурю, смотрю: вы идете. Подумал, как здорово, что мне Олег не наврал. Он вчера видел, как вы с Сергеем домой шли, он вечером дежурил. Я на самом деле рад, правда. Не подумайте чего. Просто Сергей мужик хороший, а вы с ним такая пара красивая. А тут вы уехали, он же просто серый весь ходил, тетки у него какие-то появляться стали, и, знаете, все рыжие. Мы так и говорили, не забудет он вас никогда. Ой, наверное, я зря вам про теток рассказал. Ну, да ладно, вы не подумайте... Да что вы тут встали, пойдемте домой.

Мент начал подталкивать меня к подъезду, мимо которого я проходила. И тут до меня дошло: это охранник подъезда, в котором живет Сергей. Его сменщик видел, как мы вчера шли домой, и рассказал ему. Только меня явно за кого-то другого приняли. И тут до меня дошло еще раз. Видимо, у Сергея была жена. Очень на меня похожа. Вернее, я на нее. Она от него ушла, он расстроился, начал баб водить. Тогда, кстати, понятно, почему он меня вчера пожалел, я ему его любовь бывшую напомнила, и даже имена у нас одинаковые. Он же меня сам Катей сразу назвал.

Одна загадка разрешилась, сразу полегчало. Я страшно обрадовалась, потому что вспомнила про ключи, и поняла, что теперь смогу их вернуть.

– А вы не видели, Сергей дома?

– Не видел, я же только что заступил. А мы ему сейчас в домофон позвоним. Не отвечает. Значит, не пришел еще. Да он последнее время раньше одиннадцати не появляется. Говорит, работы много.

Я посмотрела на часы. Девять. И что теперь делать? Ждать два часа на улице? Глупо. Подняться и ждать в квартире? Как-то неудобно. Я представила себе, что Сергей приходит домой, охранник ему говорит, что дома его ждет жена. Представила, как он мчится по лестнице (на девятнадцатый этаж? это я явно загнула), открывает дверь... А там я. На его месте я бы меня убила. Нет, такой вариант нам не подходит. И тут меня посетила спасительная мысль.

– Может быть, вы передадите Сергею ключи? А то меня подруга ждет, а я...

Договорить я не успела. Словоохотливый охранник изменился в лице, схватил меня за руки и запричитал.

– Нет, нет, пожалуйста. Вы этого не сделаете! Только больше не уходите. Он же за одну ночь на десять лет помолодел, он же как заново родился, на него же приятно смотреть. Только не уходите вот так, не поговорив. Он же вас любит. Не буду я ключи передавать. Вы уж сами. Катенька, вы подумайте еще раз. Он же рядом с вами просто светится. Нельзя такое чувство отвергать. Вон он вас сколько ждал, похудел весь, мы его тут всем подъездом кормили, а то бы совсем высох.

Я стала тихо завидовать той, неизвестной мне Кате.

– Да не так уж и ждал. У него вся квартира женскими шмотками завалена, – я начала входить в роль.

– Ах, вот чего! Да я же и говорю, ерунда это все. Ни одна здесь не задерживалась, редко кто по паре раз появлялся. Это от тоски, от одиночества...

– Ты опять решила всю милицию на уши поставить. Что у нас на этот раз?

Со стороны мы, наверное, представляли странное зрелище. Охранник держал меня за руки, явно не давая уйти, а я упиралась с несчастным видом.

Мы вздрогнули и отлетели друг от друга. Сергей смотрел мрачно, если не сказать больше.

– Ключи принесла...

– Дома поговорим.

Сопровождаемые довольным взглядом охранника, мы вошли в подъезд.

– Я правда ключи привезла. Вот. Возьми... те. Ты... вы мне их вчера в метро отдали, сегодня в сумке нашла. Простите, я хотела их с охранником передать, а он меня за вашу жену принял...

– Я не женат.

Сказал, как отрезал. Стоит как скала, зубами скрипит.

– Ну, бывшую жену, любовницу, с кем вы тут жили, я не знаю.

Я начала злиться. Зачем меня во все это впутывать? Я ни в чем не виновата, я вообще к Наташке шла. Кстати, как оказалось, она в соседнем доме живет.

– Послушайте, меня ваши проблемы не интересуют. Я очень благодарна за вчерашнее, сейчас отдам ключи, а вы уж сами разбирайтесь со своими женщинами. Только охраннику объясните, что я не та Катя, а то он меня из подъезда не выпустит.

– Какая Катя?

– Не знаю, и знать не хочу. А хочу я домой, то есть к подруге, а вы мне с вашими друзьями охранниками голову морочите. Он меня принял за Катю, которая с вами жила, а потом ушла, а я...

На лице Сергея явно читалось удивление.

– Какая Катя? Первый раз слышу. Я никогда здесь ни с кем не жил.

Может, она на что-то рассчитывает? А почему бы нет? Я москвич, с квартирой, не урод... Совсем даже не урод, особенно когда живот втягиваю. Зарабатываю неплохо. По крайней мере, по меркам той глухомани, где Екатерина живет и процветает.

Точно, положила глаз. Ишь какая неприступная! Уставилась на кнопки лифта, как будто я ее силой к себе тащу. Надо же, охранников приплела. Ну, если Петрович пошутить решил, я ему устрою! Хотя нельзя. В прошлый раз он меня просто спас: не стал при Машке говорить, что меня возле двери в квартиру Юлька дожидается, а отвел в сторону, шепотом предупредил. Представляю, чем бы это все закончилось.

Пришлось вести Катю внутрь. Не доставлять же Петровичу дополнительное удовольствие за те же деньги!

Безобразная сцена, которая могла произойти между ранимой до беспощадности Машкой и психопаткой Юлькой, окончательно привела меня в мрачное расположение духа. «Ну ничего, – решил я, – будем вежливы, но неподатливы». А Петровичу все-таки надо будет сказать. Мальчика нашел. Шутить он вздумал.

Преодолев дверь и запустив гостью внутрь, я собрал в кулак природную галантность и предложил чаю. Катерина очень кокетливо отказалась, чем утвердила меня в моих подозрениях.

Я уже совсем придумал вежливую, но твердую фразу на прощание, когда моей гостье позвонила подружка. Они битый час трепались о всякой ерунде. Катя явно тянула время, лишь бы просидеть у меня подольше. Я начал звереть. В довершение всего эта девица, глядя на меня в упор, заявила: «он не в моем вкусе», или что-то подобное.

Еще секунду – и я бы нарушил все мыслимые законы гостеприимства. Но секунды мне не дали: позвонила Машка (иногда мне кажется, что у этих баб пакт о всеобщей взаимопомощи). Мария щебетала как канарейка, извинилась (!) за бестолковые звонки, намекнула, что в прошлый раз я был особенно хорош, и она хотела бы повторения прямо сейчас. Мы договорились, что через час я буду у нее, и, когда я положил трубку, то неожиданно понял, что моя гостья не так уж меня и раздражает (нет, у них точно пакт!). Оставив ее пить чай, я быстренько собрался и, взяв с Катерины слово, что она дождется подружку и свалит, умчался.

**

Идиотская ситуация. Сергей явно не хотел меня видеть и со мной разговаривать. Я тоже явно не хотела его видеть, и тем не менее мы дошли до квартиры, он открыл дверь, я зачем-то вошла.

– Чаю?

Интонация все сказала. Если бы он предложил яду, все бы выглядело намного естественнее.

– Нет, спасибо.

Я постаралась не отстать от гостеприимного хозяина и тоже вложила в эти слова все, что думала о нем, об охраннике в подъезде, о жаре на улице, о переполненном метро... Короче, нашла, что вложить.

После этого я решила гордо молчать. Пусть сам выкручивается. (На самом деле я просто не представляла себе, что говорить.)

Ситуацию разрядил зазвонивший у меня телефон. Это оказалась Наташка, которая очень жизнерадостно сообщила, что на МКАДе авария, грандиозная пробка, стоять ей там еще час, как минимум, но она меня все равно любит и очень надеется, что я найду чем заняться, пока она до меня доберется.

Я заверила, что, конечно, найду, конечно, займусь. И нечего ехидничать, все равно до нее доберусь, как она от меня ни пытается отделаться. Аварию даже на МКАДе устроила.

Так искрометно мы пошутили еще минуты три, после чего Наташка спросила:

– А ты где?

– В соседнем с твоим доме. Представляешь, я, оказывается, ночевала в соседнем доме!

– М-м-м... Так может, тебе уже и не звонить? В смысле, не мешать?

– Нет, мешать-мешать. Я уже ухожу. Это не тот случай.

«Не тот случай» стоял в коридоре напротив меня и внимательно слушал наш разговор, причем явно не получал удовольствия.

– Ладно... Не тот, говоришь, ну-ну. Я все поняла.

Наташка повесила трубку, не дав мне возразить. Только я открыла рот, чтобы объявить Сергею, что ухожу и не буду больше мозолить ему глаза, как зазвонил его мобильный.

– Слушаю. Нет, еще свободен. Нет, лучше я к тебе. Через час. Пока.

Сама романтика!

– А ты, оказывается, со всеми женщинами так разговариваешь. Не только мне так везет.

Сергей заметно повеселел после своего разговора, поэтому пропустил мою колкость мимо ушей, а вместо этого миролюбиво заявил, что у него есть минут сорок, а мне, как он понял, идти пока некуда, так что если я буду вести себя хорошо, в смысле, не мешать ему собираться, то могу посидеть у него.

– Тебе правда в соседний дом?

Я кивнула.

– Тогда иди, пей чай.

На меня, наверное, напала болезнь молчанка, потому что я просто сказала «спасибо» и отправилась на кухню.

Следующие полчаса я наслаждалась представлением «Мужчина собирается на свидание». Если когда-нибудь мужчина опоздает ко мне на встречу, я ему ни слова не скажу. Скорее всего, сильно удивлюсь, что ему вообще удалось явиться.

Сначала он брился и принимал душ. Потом долго бродил по квартире в одних брюках с очень озабоченным видом, – как выяснилось, искал рубашку. Нашел ее в грязном белье. Долго рассматривал, явно раздумывая, можно ли ее надевать. Решил, что нет, и сменил брюки на

джинсы. Вернулся в джинсовой рубашке и в джинсах, сразу какой-то помолодевший и повеселевший, только с огромным жирным пятном на колене.

Чертыхаясь, Сергей удалился переодеваться в очередной раз. Из комнаты вышел в белоснежной рубашке и черных брюках.

Я потрясенно молчала, мысленно перебирая встречи с мужчинами, которые приходили ко мне на свидание такими же красивыми. Может, зря я тогда так радовалась? Больше, пожалуй, не буду.

Потом Сергей искал носки. Это очень напоминало детскую задачку «Найди десять отличий», только с точностью до наоборот. Из тридцати носков нужно было выудить хотя бы два одинаковых, хотя бы похожих, ну хотя бы по цвету...

Надо отдать ему должное, в сорок минут он уложился.

– Ну, что, не звонит твоя подруга?

Вопрос застал меня врасплох, – я так увлеклась зрелищем, что забыла про Наташку и ее звонок.

– Ладно, не суетись. Я поехал, а ты, уходя, захлопни дверь. А можешь и спать здесь, я сегодня не вернусь. Тогда утром, уходя, дверь захлопни.

И хозяин выскочил из квартиры.

Всю дорогу я так и эдак прикидывал, чем это в прошлый раз поразил свою боевую подругу, и что бы такого сотворить сегодня. И только перед Машкиной дверью в голову ударила мысль: а где гарантия, что моя случайная знакомая меня не обчистит? Я же ее потом хрен найду!

Вторая мысль, с пометкой «привет от совести», была еще хуже. Только сейчас я вспомнил о своей злополучной двери, которую Катя умрет – не сможет открыть. Погибнет на пороге, пытаясь своими коготками процарапать выход на волю. Как Робинзон Крузо. Или это был граф Монте-Кристо?

В уютное Машино гнездышко я ввалился с такой кашей в голове, что ни о каком повторении подвигов речи быть не могло. Если честно, меня постигло полное фиаско. Маша была сама тактичность, несла всякую чушь, мол, «для меня это не главное», но в каждом ее слове явственно звучала издевка. Через час пытки я не выдержал, нагрубил и отправился ловить мотор.

Дверь открывал, предчувствуя самое худшее.

Как и бывает с дурными предчувствиями, это оказалось верным. На моей любимой кровати, свернувшись, как у себя дома, дрыхла Катерина.

Сначала я хотел ее все-таки убить, потом неприлично выругался, потом зачем-то достал из комода подушку, плед и укрыл эту нахалку.

Ворочаясь на гостевой тахте, я вдруг подумал, что если бы на месте Машки сегодня была Катя, у меня бы все получилось. Не успев как следует удивиться этой мысли, я отрубился.

**

Я осталась одна. В квартире, казалось, только что взорвался чемодан с вещами. Они валялись повсюду, где только возможно. А где невозможно, не валялись, а висели или болтались.

У меня так зачесались руки все это убрать, что пришлось на них сесть. Железное прачило – ничего не трогать в квартире у одинокого мужчины – я уже хорошо знала. Не дай бог! Почему-то каждый воспринимает это как желание немедленно выйти за него замуж. И совершенно никто не понимает, что женщина не для него старается, а для себя. Я, например, физически не могу долго находиться в такой квартире. Под ногами песок скрипит, чашки все внутри от чая черные... И это далеко не худший вариант.

Я наступила на горло природному инстинкту и ограничилась тем, что ногой задвинула шмотки, которые валялись в коридоре на полу, в угол. По коридору стало можно пройти.

В комнате было полегче, и от нечего делать я принялась рассматривать пачку фотографий, которые валялись на столе. Снимки как снимки, ничего особенного. Честно говоря, я думала, что увижу пару дюжин женщин всех мастей и размеров. Ан нет. То есть женщины, конечно, были, но в основном целыми табунами. Явно фотки с работы, выставок, банкетов, дней рождений. Да и места все знакомые: Ленинские горы, Питер, Гурзуф, Сочи. Я так увлеклась рассматриванием знакомых пейзажей, что чуть не пропустила одну южную фотографию. На первый взгляд, все то же – юг, пальмы, кипарисы. А на второй взгляд меня пробрал священный ужас. На фотографии была я. Правда, я. Лет на пять моложе, прическа другая, но совершенно очевидно я – прекрасно помню и свою одежду, и сумочку, и даже пляжные тапочки. Они живы до сих пор, дома лежат. Я их в баню с собой беру.

Кроме меня, на этой фотографии был Сергей и еще какие-то люди. Лица казались знакомыми, но я, хоть убей, не могла вспомнить, где их видела.

Чем больше я смотрела на эту фотографию, тем страшнее мне становилось. Мы с Сергеем выглядели на ней такими счастливыми, стояли рядом в центре кадра, махали руками тому, кто нас фотографировал... В сочетании с платьем в шкафу все это приобретало какой-то зловещий смысл. Может, у меня амнезия? Может, он был моим мужем, а потом я попала в аварию, потеряла память, а у меня был с собой чужой паспорт? И теперь я живу под другим именем? А он случайно встретил меня в метро, решил помочь, а жить со мной вместе опять не хочет, поэтому ни в чем не признается? Нет!.. Он был вместе со мной в той аварии, тоже потерял память, но у него с собой был его паспорт. Он продолжает жить под своим именем, но меня забыл. Логично... Только с родителями какая-то неувязочка получается. Они у меня одни, и кажется, не менялись. А может быть, избирательная амнезия? Наверное, у нас был несчастливый брак. Вернее, сначала счастливый, а потом случилось что-то страшное, кто-то меня оклеветал. И вот мы ехали домой на машине, он за рулем, такой неприступный (наезд крупным планом на мужественно сжатые губы), гонит сто десять, а я-то ни о чем не подозреваю! Я спрашиваю:

– Что случилось, дорогой?

И вся такая красивая, в вечернем платье, в босоножках на высоком каблуке и с розой в волосах.

Если меня и оклеветали, то наверняка на какой-нибудь презентации. Кто-нибудь подошел к Сергею и как бы между прочим спросил:

– Кстати, ты знаешь, что твоя жена спит с другим?

Сергей, естественно, морально уничтожил клеветника точным и язвительным замечанием, а потом задумался: а вдруг?

И вот мы едем в машине, он кипит от злости, но не знает, с чего начать, поэтому делает вид, что не хочет ругаться в машине. Так вот, я спрашиваю:

– Что случилось, дорогой?

При этом сажу, сексуально откинувшись на спинку сидения. (Видна длинная нога в разрезе платья.)

А он мне отвечает:

– Дома поговорим.

И газует... Тут из-за поворота выскакивают двое детей на велосипедах, он тормозит (в прямом смысле этого слова), машину заносит на скользкой дороге. (Правильно, должен идти дождь. Это создает интим в салоне и придает трагичность финалу.)

А финальная сцена такая: врезающаяся в высокий бордюр машина и дождь. Типа, природа тоже плачет.

Да-а... Голливуд, 2004 год. В главных ролях Ричард Гир и Джулия Робертс.

Пока я увлеченно придумывала всю эту ерунду, на улице стемнело. Я попыталась набрать Наташку. Недоступна. Дома никого. Наверное, пока стояла в пробке, телефон разрядился.

От нечего делать меня совсем разморило. Когда частота зевания превысила разумную, то есть рот совсем перестал закрываться, я решила, что, когда Наташка появится дома, она мне сразу позвонит. А если я на десять-пятнадцать минут закрою глазки, ничего страшного не случится.

Я свернулась калачиком на кровати, подсунула себе под ухо телефон, и заснула в ту же секунду.

Среди ночи помню какой-то шум. Спросонья я совершенно не поняла, что случилось, залезла поглубже под одеяло, обняла подушку и заснула с удвоенной силой.

Посреди ночи я проснулся и понял, что на сегодня лимит Морфея выбрал. Наверное, возраст. Накатывает такое иногда – ни спать, ни работать, ни чем серьезным заняться. Я привычно дернулся врубить своего «пентюха», погонять монстров или почитать, что пишут в сети – и вспомнил, что до компьютера придется добираться через тело молодой, теплой, славно пахнущей...

Засунул голову под подушку. Что-то было неправильно. Под словом «что-то» предполагалось «все». Неправильно появилась в моей жизни эта провинциалка. Неправильно спала на моей кровати, но без меня. Неправильно чувствовала себя хозяйкой – а она ведь чувствовала, я понял!

Но неправильнее всего было то, что я внутренне признавал за Катериной все те права, которая она себе походя присвоила: появляться у меня, когда захочет, спать в самом вульгарном смысле этого слова, даже оставаться в моем логове без хозяина!

Последнее только сейчас ошарашило меня. Я рылся в памяти, припоминая, когда кого-нибудь пускал в квартиру в свое отсутствие. Не было таких случаев! А Катерине Ивановне запросто ключи отдал, потом легко бросил ее наедине со своими интимными вещами (типа мягких рубашек). Вся ерунда, которую я напридумывал про Катю-аферистку, казалась мне теперь ерундой полной, сиречь чушью.

Да тут еще это платье... И у Петровича я так и не выпросил, что за дурацкий розыгрыш он придумал с моей якобы бывшей женой Катей. То есть у меня была когда-то супруга, но носила она причудливое имя Вероника, и на мою рыжую гостью походила только полом. Еще одно воспоминание заставило меня всполошиться: я ведь угадал ее имя еще в ходе стычки с метроментом! Почему? У меня отродясь не было ни одной знакомой Кати! Катька-младший-редактор не в счет – она вызывает у меня исключительно отцовские чувства.

Я пытался вспомнить свою аспирантскую молодость и выстроить логическую схему. Итак, факты. Знакомство в метро, при котором я угадываю имя. Вероятность? Сколько есть общеупотребительных имен? Маша – раз, Света – два, Оксана – три... Допустим, тридцать. Значит, одна тридцатая, то есть три процента. Потом платье. Сколько бывает расцветок платьев? Допустим, десять. Еще десять процентов вероятности. Ах да, еще этот... покрой. Значит, не десять, а, наверное, два процента. И сколько будет, если перемножить два и три процента? Шесть на десять... в минус четвертой степени. А еще поведение Петровича. Это вообще ни в какие ворота...

Я испугался. Вернее, почувствовал, что мне должно стать страшно. «Не бывает таких совпадений!» – пытался я обеспокоить себя, но с ужасом осознавал, что ужаса как раз и не испытываю. Это чертова Екатерина Ивановна появилась в моей жизни так нагло и так естественно, и при этом безо всякого намека на роман.

Попытки классифицировать наши взаимоотношения приобретали все более мистический характер и вскоре измотали меня совсем. Я так и не понял, заснул в ту ночь или нет.

Наверное, да. По крайней мере, утром со мной произошло нечто вроде просыпания. Сквозь противное марево я почувствовал, что по моей квартире без моего спроса прямо над моим ухом кто-то расхаживает. Утренний стакан «Седого графа» мог вернуть мне хотя бы нейтральное отношение к этой [вычеркнуто цензурой] жизни, но на моей кухне наглая захватчица пила из моей любимой кружки мой чай.

Смутно помню, что я там говорил или рычал Екатерине Ивановне, зато отчетливо – круглые глаза обиженного ребенка, который не понимает, за что его наказали.

**

Утро опять было солнечное. А когда тебя будит солнце, а не будильник, совершенно невозможно встать в плохом настроении.

Сначала я пришла в ужас от того, что спала в одежде. Но быстро сообразила, что у меня с собой сумка с вещами и мне есть во что переодеться. На кухне я видела гладильную доску с утюгом, впереди еще час времени, в ванной – все необходимое, и я отправилась приводить себя в порядок.

Выйдя из ванной, начала понемногу соображать. Почему не позвонила Наташка? Я рысцой побежала в комнату, схватила телефон и... обнаружила три пропущенных звонка. Оказывается, когда я заснула на телефоне, то нечаянно, – видимо, собственным ухом – отключила звук. Вот ужас! Что бы теперь я Наташке не рассказывала, она мне все равно не поверит. Пропасть на две ночи подряд!

Зато я выпалась. Редко мне в Москве удастся так замечательно выспаться, причем два раза подряд. Просто непозволительная роскошь.

Сладко потягиваясь, я пришла на кухню, отработанным движением стукнула чайник, включила радио, с удовлетворением выслушала, что в Москве девять часов, температура воздуха плюс двадцать и осадков не предвидится.

Подожду еще полчаса, и можно звонить Наташке. Потому что, если я это сделаю сейчас, то разбужу ее, и мне мало не покажется. А мне и так мало не покажется, так пусть подружка лучше выспится, может, это как-то смягчит мою участь.

Я как раз наливала себе чай в большую желтую кружку, когда дверь на кухню открылась и вошел Сергей.

Честно говоря, я уже настолько чувствовала себя как дома, что о существовании хозяина квартиры почти забыла.

– Привет! Я не ожидала, что ты так рано вернешься! Ты же мне разрешил переночевать? Чаю хочешь?

И только тут я обнаружила, что Сергей несколько не одет. И выглядит совершенно сонным. Вряд ли он пришел в таком виде.

– Ой. А ты, что спал здесь? А где? Ой, а я твою кровать заняла. А я не слышала, как ты пришел...

Сергей треснул по приемнику, тот замолчал. Схватил в руки чайник, протянул руку к желтой кружке, увидел, что она полная. Сначала отдернул руку, как от ядовитой змеи, потом выплеснул мой чай в раковину и демонстративно налил себе еще раз.

Если бы я могла, с удовольствием скукожилась бы под его взглядом, превратилась в комарика и вылетела в окно. Но я не волшебница. Поэтому пришлось бочком пробираться к двери, протискиваться между столом и хозяином квартиры. И при этом поддерживать полотенце, которое уже давно грозило с меня свалиться.

Я не могла ничего не уронить. Такое противоречило бы всем законам физики и здравому смыслу. И, я считаю, то, что это оказалась просто сахарница, – большая удача, просто нечеловеческое везение. Она даже почти и не разбилась, и сахара там было не очень много... Но все это мне пришло в голову уже потом, а в тот момент, когда сахарница упала, я одеревенела от ужаса, а Сергей издал утробное шипение. В какую-то секунду мне показалось, что он меня сейчас стукнет. И я сбежала. Не рассуждая, не думая, как это выглядит со стороны, не попрошавшись, не извинившись, не поблагодарив «за все». Рванула в комнату, натянула вчерашнюю одежду, схватила сумку и выскочила за дверь. И только вызвав лифт, наконец-то не то чтобы вздохнула с облегчением, но с наслаждением выдохнула.

emp1

Наташка в итоге открыла мне дверь. Я всего-то раз двенадцать и позвонила. Но (чем хороша Наташка утром) никаких объяснений не потребовала, ничего не высказала. Впустила и молча ушла досыпать.

А я решила все-таки попить чаю. Как выяснилось, руки предательски тряслись, поэтому, справившись с чайником, я решила, что краситься пока рано. Еще карандашом в глаз попаду! Нужно почитать что-нибудь успокаивающее. На третьей странице увлекательной книжки – к сожалению, не помню ее названия, – я поняла, что совершенно не понимаю, что читаю. А все потому, что мысленно прокручиваю возможные варианты утреннего разговора. Как всегда, с запозданием в голову начали приходить остроумные реплики, язвительные ответы, слова, которые могли разрядить обстановку, слова, которые могли бы уничтожить собеседника... Жалко, что этого никто-никто не оценит.

– Ночью нужно было спать! На выставку-то поедешь? Я аж подпрыгнула от неожиданности. Надо мной стояла Наталья, уперев руки в боки.

– Я спала. Поеду. Только утюг дай.

– С утюгом поедешь?

– Ага. Буду им от всяких паразитов отбиваться. И милиционеров.

– Давай быстро. Через двадцать минут выходим.

Через двадцать минут мы действительно вышли, а по дороге я поведала Наталье о двух днях, которые провела в Москве.

– Что, правда не приставал?

– Совсем. Даже не намекал.

– Импотент, наверное.

– Да нет. Не может быть. У него, очевидно, куча теток в квартире перебивала.

– Ну, правильно, по одному разу можно хоть весь город привести. Потому и куча, что приходится каждый раз новую искать.

Мне стало даже как-то неловко за Сергея. Несмотря на обиду, не могла я так его заклеить. Импотент? Почему-то я была уверена, что это не так.

– Ладно, черт с ним. Не знаю, как обычно, а в последнюю ночь у него точно что-то не сложилось. Даже мое присутствие не могло бы довести человека до такой ярости. Не может мужик после ночного свидания проснуться, скрежеща зубами от злости. Либо оно не состоялось, либо прошло из рук вон плохо.

– Так ему и надо!

Этим справедливым замечанием мы закрыли тему. Что не помешало Наташке съязвить еще раз десять, поинтересоваться, где я буду ночевать сегодня, и напоследок пообещать познать со своим сотрудником, тоже Сергеем. Мы расстались до вечера.

Не люблю чувствовать себя сволочью, но пришлось. Уже сидя в кабинете, я перевел дух, закрыл глаза и составил список всех, кому я за последние сутки нахамил и перед кем стоило извиниться.

Первым пунктом шла Машка. Правда, это было не смертельно – все равно ее матриониальные поползновения (шикарное словосочетание, жаль, вслух его произнести тяжело!) нужно время от времени пресекать. Пусть почувствует, что у меня характер! С ней можно разобраться, например, послезавтра.

Теперь Катерина... Нет, не теперь. Потом.

Анна Николаевна. Перед ней вообще извиняться не буду. В конце концов, я ведущий редактор, а она корректор. А ее возраст и умение копаться в словарях – вовсе не повод делать мне замечания... «Справочник Розенталя! Справочник Розенталя!» Можно подумать, Розенталь не человек, ошибиться не может! Так, это проехали.

Мимо Людочки, слава богу, прошел молча. Не ответил на «здравствуйте», но это не смертельно.

Вот, кажется, и все. Если не считать Катерины Ивановны. А считать почему-то было нужно. Хотя зачем? Вот уедет она в свою независимую Тьмутаракань... В этом месте я оцепенел. А вдруг она прямо сегодня умотает? Ну и что, что выставка еще три дня продлится. Обидится и уедет. Я попытался вспомнить, говорила ли Катя что-нибудь об отъезде, но не смог вспомнить вообще ничего из наших разговоров. А они были? Безобразие. Это надо срочно исправить.

Принятое решение меня воодушевило (хорошее слово, похоже на «вооружило» – «вооружило душой»). Объявив о своем намерении посетить выставку, я окинул начальственным взором трудящихся младших редакторов и направился в автосервис. Оттуда еще на прошлой неделе звонили, но у меня не так много времени, чтобы разъезжать по столице на машине. Зато сегодня она будет в самый раз. Подъеду к павильону на отполированном «форде», выйду с букетом относительно шикарных роз, произнесу неотразимый спич – Катя все сразу простит!

Вопрос, зачем это нужно, я решил себе не задавать.

**

Четверг – глухой день. Все, кто работал на выставках, это знают. Если открытие в среду, в этот же день основная работа с оптовиками, а в четверг обычно оптовики уже заканчиваются, а розница и не думает начинаться. Очень скучно.

Вроде бы и народу много, а толку мало. Только глаза мозолят. Короче, с середины дня мы установили на стенде дежурство. Всем вместе там торчать смысла не было. Когда я в очередной раз пошла обозревать выставку, то вернулась, только услышав по радио объявление, что до закрытия осталось пятнадцать минут. У меня в руках к тому времени образовалась приличная стопочка купленных книг, и я, кроме нее, мало что замечала, когда подошла к стенду.

Ну, почти ничего. Сергея я увидела, как только свернула на нашу линию, но, поскольку совершенно не представляла, зачем он приехал и что ему сказать, сделала вид, что его нет. Пусть сам придумывает, что мне говорить, я свой запас остроумия и находчивости израсходовала утром, у Наташки на диване.

Когда я просто воткнулась в него носом, делать вид, что я его не замечаю, было уже верхом идиотизма.

– Привет! Я тут мимо проходил... Тебе помочь?

Мимо он проходил. Ну да. Вот и шел бы себе мимо...

Сергей ловко всучил мне розы. Не люблю красные розы!.. Я живо себе представила, как буду телепаться с этим дурацким букетом в метро... Цветы я держала на вытянутой руке, слабо надеясь, что это не мне. Может, просто подержать дал?

– Это тебе. И вообще, извини, что так все вышло.

Все-таки мне... жаль. Я вымученно улыбнулась. Очень хотелось есть. А когда есть хочется, я все вокруг вижу в мрачном свете.

– Тебя подбросить? Я на машине.

Вот тут я оживилась. Во-первых, не придется таскаться с цветами на метро, а во-вторых, можно забрать со стенда все покупки и... тоже не таскаться с ними по метро.

– Отлично! Только книжечки захвачу!

Я быстренько достала битком набитые пакеты. Маленькие на первый взгляд, неподъемные на второй.

Вот тут игодились цветочки. А руки-то у меня заняты! Тащи все эти пакеты сам, раз такой умный! Что это я злобная такая? Ах, да, есть хочется...

Машину он оставил, конечно, возле центрального входа. Меня всегда поражала способность москвичей не знать собственный город.

– Почему ты к Хованскому не подъехал?

Сергей пропустил вопрос мимо ушей. Скорее всего, он просто не подозревал о существовании других входов. Ну и черт с ним...

Шашлыками пахло... Жалко, они тут совершенно несъедобные. Вот как теперь быть? Если признаться, что я есть хочу, он может решить, что я напрашиваюсь в ресторан. А если не признаться, то минут через двадцать озверю окончательно. Интересно, а если сказать, что я есть хочу, но сразу предупредить, что сама за себя заплачу, что он подумает? Я бы на его месте подумала: закомплексованная феминистка. Что же делать-то? Ехать нам до «Южной», учитывая час пик, часа полтора-два... Может, хот-дог купить? Не хочу... Хочу салат из капусты и суп. Куриный бульон. Сейчас бы в «Елки-палки», «телегу» заказать, я бы взяла себе капусты квашеной, картошечки вареной, всяких салатиков горку...

– Катя, Ка-тя, да Катя же!.. Ты меня вообще слышишь? Мы пришли. Вот машина. Я тебя пятый раз спрашиваю, ты есть хочешь?

– Да!..

Самое смешное, что после моего крика души, вернее желудка, общаться стало гораздо проще. А когда я наконец избавилась от цветов, запихав их на заднее сидение, почувствовала себя совсем хорошо. Может, удастся их потом в машине забыть.

Планы никогда не осуществляются полностью, но некоторые планы не осуществляются особенно.

Из всего набора мечтаний удалось осуществить только букет. Семь дорогуших красных роз.

Все остальное пошло кувырком: машину мне не отполировали, хотя за эти деньги можно было закатать ее в янтарь; подъехать к павильону не удалось из-за ожидаемого визита какого-то начальства; в довершение всего на стенде издательства «Час» (хорошо, хоть название запомнил!) Катерины не оказалось. Вместо нее сидела какая-то не слишком молодая и не слишком симпатичная особа, которая сообщила, что «Катенька сейчас будет» и принялась сверлить во мне дырку взглядом. «Катенька» изволила появиться перед самым закрытием. Заметив меня, она тут же приняла равнодушный вид и начала двигаться изящно и воздушно, легко помахивая тяжеленными стопками художественной литературы.

«У них там и книг приличных нету!» – поразился я про себя, а вслух произнес укороченный вариант неотразимого спича:

– Привет! Я тут мимо проходил... Тебе помочь?

Обменяв букет на книги, я заметил, что Катя держит цветы несколько отстраненно, и пояснил:

– Это тебе. И вообще, извини, что так все вышло.

Тетка на стенде превратилась в одно большое ухо. Я понял, что бежать нужно немедленно.

– Тебя подбросить? Я на машине.

Последнее замечание Катю явно заинтересовало (женщины меркантильны!), она даже улыбнулась и сказала:

– Отлично! Я только книжечки возьму! – и бросилась извлекать из глубин стенда плотно набитые пакеты.

Я оценил вес «книжечек» и затосковал. Интересно, как она собиралась все это переть без посторонней помощи?

**

До чего все-таки мужики одинаковые. Парочка наводящих вопросов, пара восхищенных: «Какая у тебя красивая машина!», – и всю дорогу я выслушивала рассуждения о преимуществах бензина перед дизелем, заднего привода перед передним и «форда» перед всеми остальными машинами.

О том, что сама уже семь лет вожу машину, поменяла их как минимум три и ненавижу задний привод, я решила промолчать. Пусть говорит. Чем более умным он будет себя чувствовать, тем мне спокойнее. И так сложностей хватает.

А Сергей начал мне нравиться. Я сидела в машине, вытянув усталые ноги, и думала, что у меня очень мало знакомых мужчин, которые могли бы вот так просто извиниться. Пусть нескладно, пусть с розами этими дурацкими, но выдавить из себя «извини» – это поступок. И под разговор про машины, доллары и Лужкова я вдруг задумалась, а почему я, собственно, такая стала. Ведь если бы не мент на станции метро, я бы на Сергея так рывкнула при попытке только приблизиться, что бежал бы до самого дома, не останавливаясь. Я же ни одного мужика к себе ближе чем на три шага не подпускаю. А сейчас как-то размякла. Сажу в машину, меня везут, рассказывают какие-то банальные глупости, а меня это совсем не раздражает, даже, наоборот, приятно. Чувствуешь себя женщиной, а не мамой, не гражданкой и не Катериной Ивановной.

Как давно я не влюблялась! Года три уже прошло после последнего раза. Собственно, не года три, а три года. Время летит! Тогда казалось, что недели без Него не переживу, часы считала. Телефон отключила, чтобы даже соблазна не было позвонить. Если бы не дочка, с которой нужно гулять, играть и три раза в день кормить, сидела бы целыми днями и рыдала.

Так, не стоит о грустном. Все давно позади, остался только страх пережить еще когда-нибудь хоть что-то подобное. Я могу с мужчинами дружить, могу кокетничать и заигрывать, могу даже спать. Но как только понимаю, что мне хоть чуть-чуть не все равно, придет ли этот человек ко мне еще раз, просто перестаю общаться. Ну его.

В результате я приобрела такую репутацию, что ни один из моих знакомых не посмеет ко мне приблизиться, даже если я, под пьяную лавочку, сама об этом попрошу.

Все подружки говорят, что я ненормальная. И что в моем тридцатилетнем возрасте, имея квартиру и вполне сексапильную внешность (что при наличии квартиры вовсе не обязательно), я могла бы просто купаться в мужском внимании. Если бы они узнали, что я познакомилась с кем-то в метро(!), да еще и провела у него две ночи подряд, они бы с ума сошли от радости. Но, похоже, я стала совсем отмороженная. Даже Сергей, который знать меня не знает, не посмел ко мне приблизиться.

Хотя дурочку, я, похоже, изобразила убедительно. Вон как заливается, просто соловей. Судя по тому, что он рассказывал, он искренне считал, что телевизор смотрят и радио слушают только в Москве. А дальше тайга, пурга и ничего не видно.

Вот, опять я ехидничаю. А почему бы не влюбиться? Романтическое знакомство, мистика какая-то нас все время преследует. Не обязательно же с ним жить. Повстречались бы какое-то время и разошлись, а впечатлений масса, адреналин опять же, гормоны. Хороший же мужик, бабник, конечно, но это лечится. Он, наверное, заботливый. Завтрак бы в постель приносил... Хотя зачем мне завтрак в постель? Мне бы кого-нибудь, кто Машку в садик отвел, чтобы хоть пару дней выспаться. Да-а, совсем я не романтик. А может, переехать в Москву? Квартира у него хорошая, метро рядом, район чистый. Будет у меня ребенок ходить в нормальную школу, да и мне здесь работу найти гораздо проще, про зарплату вообще не говорю. Через пару лет рожу ему ребенка, будет образцово-показательная семья с воскресными выездами на пикник

и походами в зоопарк. Только эту машину корявую потом нужно поменять на что-нибудь приличное...

Когда я очнулась, корявая машина стояла.

– А где это мы? – я настолько была поглощена своими мыслями, что совсем не следила за дорогой.

Сергей смотрел на меня так снисходительно-нежно, что я решила: лучше подыграть и сделать вид, что я заснула. Тем более, что до меня медленно дошло, о чем я только что думала, и лицо стала заливать краска.

За рулем я немного отошел. Все-таки приятно чувствовать себя хозяином положения. К тому же нам фантастически везло, мы почти не стояли в пробках. Ну, в смысле, не больше пятнадцати минут. Всю дорогу я развлекал гостью светской беседой: рассказывал про свой «форд», делился проверенными слухами о Лужкове, посетовал на падение доллара по отношению к евро. Катерина только хлопала глазами, сдерживала зевок да иногда ляпала невпопад что-нибудь типа: «А где у вас тут можно посмотреть дубленку?», или: «А билеты в Театр эстрады трудно достать?»

Женщина!

Сознание интеллектуального превосходства подняло настроение еще выше. Вскоре оно (настроение, а не превосходство) достигло того уровня, за которым начинается бескорыстное угощение девушки ужином. Высмотрев место для парковки, я лихо втиснулся между двумя «Жигулями» и огляделся. Естественно, в пяти метрах оказался небольшой восточный ресторанчик.

– Здесь уютно! – объявил я. – Можем слегка перекусить.

Сам я намеревался умять небольшого восточного поросенка. Катенька мило встрепенулась (оказывается, она задремала под аккомпанемент моих мудрых речей) и спросила:

– А где это мы?

– Здесь сносно кормят, – пояснил с уверенностью: по сравнению с провинциальными забегаловками любая московская кафешка может сойти за «Арагви».

Увидев, что моя дама все еще не может решиться, уточнил:

– Я угощаю. В конце концов, должен же я компенсировать моральный ущерб.

– Ну, разве что ущерб. Ладно. Только недолго, мне еще к подруге нужно успеть.

Я чертыхнулся про себя. «Ладно!» Стало быть, я ее уговорил! Уломал – можно сказать, в ногах валялся. Но отступать было поздно.

Внутри и в самом деле оказалось довольно прилично. «Китайка» с вороными волосами и белесыми бровями приняла заказ и исчезла.

Пока я выбирал тему для беседы, гостя неожиданно взяла инициативу в свои маленькие руки.

– А расскажи о себе.

Глупая просьба. Глупее только «скажи что-нибудь» и «пошути». Я пожал плечами и рассказал о себе:

– Тридцать четыре года. Москвич. Работаю ведущим редактором. По образованию математик. МГУ. Квартира, машина, холост. Все.

– Но ведь у тебя была жена?

– Да, но как-то у нас не сложилось.

– А дети?

– Бог миловал.

– Почему? Дети – это хорошо.

– А у вас есть дети?

– А мы что, опять на «вы»?

– Ну, у вас с мужем.

– Муж мой давно живет отдельно с молодой и длинноногой.

Она еще и не замужем? От волнения я начал говорить комплименты:

– У тебя ноги тоже ничего.

– Спасибо. А дочка у меня есть. Представляешь, ее недавно проверял психолог – собеседование перед школой...

Следующий час я выслушивал хвастливые рассказы про маленькую Машку, которая самая умная, на коньках катается, по-английски три слова знает в совершенстве, и т. д. и т. п. За это время мы смогли заморить хорошо промаринованного и прожаренного червячка. Не отрываясь от рассказа, Катя мастерски овладела палочками, выдула бокал «Кадарки» и дважды с кем-то пообщалась по телефону. Я сумел вставить пять слов, причем три из них предназначались официанту.

Расплачиваясь (Катерина даже для вида не потянулась за кошельком), я ощутил, что утреннее беспокойство, которое погнало меня через весь город за малознакомой женщиной, отпустило. Вместо него появилась спокойная уверенность в себе, а также желание совершить что-то умеренно-сумасбродное.

– Ой! – сообразила Катя, когда мы уже выходили на вечерне освещенную улицу. – А о себе ты так и не рассказал. Как ты в редакторы-то попал из математиков?

И я, вышагивая по ежедневно-праздничной Москве, стал рассказывать. По молчаливому согласию мы не пошли к машине, а стали бродить по улицам. Я поведал романтическую историю об одаренном мальчике, который в шесть лет поступил в школу, в пятнадцать – окончил ее с медалью, в двадцать защитил диплом с отличием, в двадцать один начал сдавать экзамены кандидатского минимума, в двадцать два участвовал в странном подавлении странного путча. А когда демократия «так победила», выяснилось, что у нее нет лишних денег на содержание дармоедов, занимающихся анализом нелинейных преобразований.

– Надо было свалить в Германию, – признавался я, сыто жмурясь на неоновые сполохи казино, – меня звали. Упрашивали. А потом в Канаду. Нет, патриотизм взыграл. Остался здесь, в дыре.

– М-да? – хмыкнула Катерина, провожая взглядом кавалькаду, состоящую сплошь из «понтиаков» и «линкольнов».

Сделав вид, что не заметил иронии, я продолжил рассказ – теперь уже о талантливом молодом журналисте, который много, искрометно и совершенно без грамматических ошибок писал на околокомпьютерные темы. О том, как его заметили, предложили стать редактором (не главным, конечно) сначала в крупном компьютерном журнале, а потом и в издательстве.

– И что дальше? – спросила моя гостя, когда я умолк.

– Ничего. Работаю, – довольство собой нервно заворочалось во мне и, кажется, слегка уменьшилось в размерах. – Книгу пишу. Даже две.

Последнее было почти правдой. Вот уже три года, насмотревшись на то сырье, которое мне под видом рукописей привозили авторы, я решил, что пора бы и самому. Даже составил план книги. Отличный план. Если бы мне такой принесли, я бы сразу понял, что передо мной настоящий профи. Но... книга была о компьютерных технологиях, а они упорно не хотели ждать, когда я закончу рукопись. То и дело появлялась какая-нибудь революционная программа или железяка, и мне приходилось все начинать сызнова. Поэтому полгода тому я сел за мистически-фантастический роман. И уже добрался до двадцатой страницы. То времени не было, то на работе устанешь...

Но всего этого я, конечно, не стал рассказывать, пообещал только, что обязательно пришло ей почитать, как только напишу какую-нибудь большую часть.

– Бандеролью, что ли? – удивилась Катя.

– Зачем? На e-мэйл. У тебя ведь есть?

– В издательстве что-то такое есть, – проговорила она. – Это ведь то же самое, что Интернет? Интернет у нас есть точно. Присылай, очень интересно было бы почитать.

На сей раз доставить мою провинциалку к подруге удалось без проблем. Я даже дотащил тяжеленные сумки до квартиры, причем почти не запыхался. И подруга оказалась вполне ничего, вполне столичного вида – зыркала на меня с чисто московским нахальством. Под ее

рентгеновским взглядом я всучил Катерине свой е-мейл, всевозможные телефонные номера и потребовал позвонить, как только опять окажется в Москве.

**

В кафе, которое оказалось псевдокитайским рестораном, было тихо и темно, поэтому мне там сразу понравилось. Решив: играть, так до конца, – я достаточно убедительно (по-моему) изобразила провинциальный восторг, отдалась мужчине в смысле выбора блюд и минуты три сосредоточенно изучала палочки, делая вид, что вижу их впервые в жизни. После чего, хлопая глазками, и заранее себя ненавидя, попросила Сергея рассказать о себе. Просто пособие по соблазнению мужчины можно писать. Говорят, нужно прикинуться дурочкой и говорить о нем, любимом. Но, видимо, я сделала это уж как-то совсем в лоб, потому что слова из него пришлось просто клещами вытаскивать. Более того, Сергей все время пытался свернуть разговор на меня, выяснил, что я не замужем и так заметно напрягся, что все мои планы переехать в столицу сразу увяли. Я отчетливо поняла, что не хочу я его соблазнять, и дуру из себя изображать не хочу, хотя, наверное уже поздно, и что вот сейчас мы доедим эту китайскую муру, попросаемся и больше не увидимся никогда. А вечер сегодня замечательный, в кои-то веки сижу в тишине, с человеком, который мне не неприятен. Удовольствие нужно получать, а не выпендриваться.

И я перестала выпендриваться, стала совершенно нормальной женщиной, которой приятно похвастаться собственным ребенком, а не выслушивать политические лекции, и выпить вина, а не изображать из себя кисейную барышню. И, честно говоря, мне даже стало наплевать, что он обо мне подумает, если я не буду за себя платить. Не хотелось портить себе вечер деньгами.

Когда мы вывалились из ресторана, оказалось, что уже вечер. Такой мягкий теплый вечер, что сразу сесть в машину было бы просто преступлением. Не успела я об этом подумать, как Сергей решительно повернул в противоположную от машины сторону и начал рассказывать. То, что я в начале вечера не могла вытянуть из него клещами, вдруг забило фонтаном.

Нельзя сказать, что он жаловался на жизнь, но и хвастовством этот рассказ тоже не назовешь. Талантливый парень, только собственную нерешительность и лень, как и все, пытался выдать за патриотизм и отсутствие амбиций. А ведь они есть, вон как напрягся весь, когда про рукописи заговорил. Похоже, втайне считает себя великим писателем, но никому свои работы не покажет, просто из страха, что их справедливо обругают. И кем он тогда будет? Просто никому не известным редактором, а вовсе не тайным светилом литературы.

Странно: рассказ Сергея не вызывал у меня раздражения, как большинство подобных историй. Ах, я такой талантливый, ах, меня не поняли, ах, я не в то время родился. Было такое впечатление, что он сам только что осознал, что на супермена не тянет, и смотрел на меня с немым вопросом в глазах: «Во-первых, зачем я все это рассказываю, а во-вторых, что мне с этим делать?».

Честно говоря, мне было жаль с ним расставаться. Всю дорогу домой мы молчали, лимит разговорчивости исчерпали на пару дней вперед. И даже Наташка впустила меня молча, молча проследила за церемонией вручения мне всяких телефонов и молча закрыла за Сергеем дверь. Представляете, чего ей это стоило!

ТОЧЕЧНОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ПРОТИВНИКОМ И УМЕНИЕ ОТКРЫВАТЬ ДВЕРЬ

**

Есть в жизни встречи, которые оказывают на нее (то есть жизнь) очень большое влияние. Но как-то косвенно, ненавязчиво. Вот, например, моя встреча с Сергеем.

Я ехала в поезде в Москву через полгода после нашего знакомства, валялась на верхней полке купе и размышляла.

В прошлый раз, приехав домой из Москвы, я первым делом бросилась проверять, на месте ли мое новогоднее платье. Платье на месте. Потом бросилась проверять, на месте ли пятно. Пятно на месте. Поскольку меня душило любопытство, я отнесла платье в химчистку, решив, что когда в следующий раз буду в Москве, непременно проверю, что станет с пятном на том, втором платье.

Надо сказать, что приехала я не то чтобы совершенно другим человеком... Человеком я осталась тем же, но стала еще и женщиной. Вернее, мне захотелось проснуться и стать женщиной. Первым делом я сшила себе две миниюбки. Когда в одной из них плюс туфли на каблуках я первый раз пришла на работу, меня встретила гробовая тишина. Я дошла до двери своей комнаты, закрыла ее и тут же начала искать дырку на колготках, пятно на юбке или... может, я юбку задом наперед надела? Нет, вроде... Чего ж они все на меня так уставились?!

Через полчаса ко мне в комнату пришел Саша. Замечательный мужик, мы очень дружим, он всегда считал меня «своим парнем», то есть рассказывал похабные анекдоты и жаловался на то, что все бабы дуры, с ними даже поговорить не о чем. Обычно это произносилось к концу двух-трехчасового разговора. Так вот, Сашка уселся передо мной на стол, долго собирался с духом, а потом, наконец, спросил:

– Ты теперь всегда так ходить будешь?

– Ага!

– Ужас!

– Почему ужас? – я правда обиделась, хоть и пыталась это скрыть. Я, конечно, не Клаудиа Шиффер, но ведь и не ужас...

– Трудно нам будет...

– Что? – я была так поглощена своими переживаниями, что не поняла, о чем он.

– Катька, ты... Ты... А что ты делаешь сегодня вечером? – вдруг выпалил Саша.

– Я... Я...

Что я делаю сегодня вечером? А что я вообще делаю по вечерам? Ничего. Ужин готовлю, на аэробику могу сходить, Машу на фигурное отвести могу...

– Вот я и говорю. Трудно нам будет, – Сашка засмеялся.

– Кому – вам?

– Катенька, видимо, длина юбки на женщине прямо пропорциональна количеству мозгов. От этой четкой формулы у меня мозги сразу встали на место.

– То есть ты меня все-таки хочешь обидеть?

– То есть я хочу тебе сказать, что теперь, разговаривая с тобой, мне будет очень трудно смотреть тебе только в глаза. Да и вообще убивать время на разговоры.

– То есть мне не обижаться?

– То есть ты согласна?

– Подумаю. Но ты не волнуйся, думать буду недолго, юбка короткая.

– Знаешь, Катя...

Вдруг Саша подобрался, вытащил меня из-за стола и совершенно неприлично поцеловал в губы.

– Фу, отпустило. Теперь и поработать можно, – он отскочил на безопасное расстояние, – а ты думай-думай...

И я подумала. И мне все очень понравилось.

И тут же завела роман, а точнее, даже два. Потому что тот, который я завела первым (и вовсе не с Сашей, как вы могли подумать, решила не портить отношения на работе), оказался скорее для души, а мне очень хотелось для тела. Хотелось хотеть самой, и чтобы меня хотели. Получилось. Правда, во втором романе для души ничего не было, зато какое тело! Мы познакомились в тренажерном зале, куда я пошла, чтобы выплеснуть лишнюю энергию и накопившееся разочарование от своего первого. Очень быстро нашли общий язык, причем умудрились практически не разговаривать. Зато в жизни сразу все наладилось. С одним можно болтать часами, а с другим часами не болтать. Делу время, потехе час. Все дни расписаны на неделю вперед. Сегодня в обед тренажерный зал с одним, завтра у дочки фигурное катание, день пропускаем, послезавтра спокойный ужин дома со вторым, разговор о высоком и прекрасном, а ночью отсыпаемся. Причем каждый у себя дома.

А еще у меня появилась совсем новая любовь, даже страсть. Это компьютер. Не заведи Сергей в Москве разговор про е-мейл, я бы еще долго не подошла к машине, так бы и бегала за мужиками на работе: «Это распечатай, то отправь!». Как-то стимула не было во всем этом разбираться. Все теткы бегают, и я бегала.

А тут что-то меня зацепило. Приехав на работу я тут же ошарашила нашего верстальщика вопросом: «Чем Интернет отличается от е-мейла?». Сашка завис на полчаса. Я поняла, что взяла слишком круто, и решила разбираться потихоньку. Выклянчила у одного знакомого ноутбук на месяц, под предлогом срочной работы, и села играть. Вот тут мне и пригодился герой моего первого романа. Он просиживал со мной вечерами, терпеливо отвечал на все идиотские вопросы, снисходительно относился к звонкам в час ночи с сообщением, что «в ворде что-то глюкнулось!», и вообще вел себя как ангел. Наверное, на что-то рассчитывал. Но в результате уже через месяц я учила секретаршу создавать шаблоны и работать с Батом, а если не открывался какой-нибудь прайс, то за неимением на работе Сашки (тот раньше двенадцати вообще не является), все бежали ко мне и спрашивали, как жить дальше.

Через какое-то время я написала Сергею письмо. Очень лаконичное, о том, что это проверка связи, и о том, что я выяснила, чем отличается Интернет от мейла. Как ни странно, он ответил. Мы стали довольно регулярно переписываться. Сначала просто присылали друг другу всякие приколы, потом стали их как-то комментировать, а уж потом писать полноценные электронные письма, длинные (то есть строк десять) и развернутые.

К> Салют!

К> Как работается? :-))

К> А у нас директор в отпуске!!! :-)))

К> Так мы все в обед как из офиса свалили, поехали за город в снежки играть. Классно!

К> Только что пришли. Сейчас, наконец, пообедаем, и по домам. Чего и тебе желаю.

emr1

С> А у нас директор не в отпуске, а в ж.... Это мы его туда послали.

С> Кстати, рекомендую разнообразить смайлики.

С> Вот: 8-[] – офигение, ;-) – двусмысленное подмигивание,

С> :) – человек с большим носом картошкой, вроде меня

Короче, трепались о всякой ерунде.

И сейчас, когда я думаю, что прошло полгода, понимаю, что время прошло не зря. А еще я с удовольствием увижусь с Сергеем. Просто так.

Наверное, у меня кризис среднего возраста, только какой-то очень конструктивный. Вместо того чтобы горевать о несделанных великих свершениях и жаловаться на неудавшуюся жизнь, я приободрился.

Для начала напрягся и за месяц дописал свой компьютерный шедевр под названием «Оптимизация Web-изображений». Отослал хорошему знакомому в Питер, но изображать из себя непонятого поэта не стал, а занялся художественно-литературным проектом. Здесь дела пошли не так шустро, зато придумалось еще несколько занятных сюжетов. Когда наступал затык с основным романом, я прописывал эти сюжеты, получая ни с чем не сравнимое удовольствие.

Выплескивая себя на бумагу (то есть на винчестер домашнего компьютера), я заметно успокоился и перестал коллекционировать случайные связи. Более того, Машины замечания типа «А вот здесь мы поставим комод» больше не вызывали у меня негодования. Я почти смирился с необходимостью совместного проживания с посторонним человеком противоположного пола. Единственное, что меня удерживало – потребность писать. Я четко осознавал, что ни одна женщина с постоянной пропиской не потерпит в доме мужика, который по полночи занимается делом, не приносящим денег, – если это не выполнение супружеских обязанностей. Надо было вначале либо заявить о литературной состоятельности, либо окончательно поставить на своей мечте крест.

Я почему-то считал, что писатель из меня получится. Не остудило мой пыл даже письмо питерского приятеля, который книжку по оптимизации хвалил, но издавать отказывался.

Кстати, где-то в середине октября я получил письмо от Катерины. На расстоянии она казалась милейшим и безобиднейшим существом, чем-то вроде друга. Я решил, что очаровательная провинциалка будет первым человеком, которому я покажу свой роман. Почему-то была уверенность, что Катя прочитает его серьезно и оценит объективно.

Вот Машке я свою писанину показывать не собирался. По необъяснимой причине мне не хотелось даже посвящать ее в свои планы. Долгие ночные бдения за компьютером приходилось тщательно скрывать.

Маша чувствовала что-то неладное своим специальным женским чувством, бесилась, ревновала, несколько раз нагрянула ко мне с внезапными проверками, ничего подозрительного не обнаружила, от чего впала в ярость, потом в депрессию. Со временем она выработала в себе просто звериное чутье: как только я намеревался вволю пописать, Машка устраивала мне сцену, или звала на какую-нибудь вечеринку, или заласкивала до полной неспособности творить.

По-моему, она научилась читать на расстоянии не только мысли, но и электронную почту. Например, однажды Катя прислала письмо с уведомлением о своем приезде в Москву и возможном заходе ко мне в гости. Не успел я с восторгом согласиться, как раздался звонок, и боевая подруга Мария Николаевна Концевая сообщила, что собирается навестить меня в тот же день и час, что и Катерина. Возражать я не имел права: на прошлой неделе трижды переносил встречи с любимой, используя слишком примитивные предлоги.

Я дернулся было отправить Кате письмо с отменой встречи, но передумал. В конце концов, что такого страшного случится? Встретятся, поболтают.

Хотя, если честно, просто не хотелось отменять этот визит.

Чем дольше я ждал «встречи на Эльбе», то бишь в моей квартире, тем меньше мне эта идея нравилась.

Я приводил один аргумент за другим. «Почему бы им не подружиться? – уговаривал я себя. – Маша – девушка умная, поймет, что с Катей у нас ничего не было. А если бы даже было, что с того?» Логические конструкции выстраивались у меня в голове одна за другой, и уже их количество доказывало, что добром дело не кончится.

Когда до условленного времени осталось четыре часа, я решил предотвратить катастрофу. Кате я позвонить не мог – не знал ее номера. Поэтому позвонил Маше.

– Я по поводу сегодняшней встречи, – бодро сообщил я, но был тут же прерван.

– Отлично! – защебетала трубка. – Я так соскучилась... Ты так много работаешь! Тебе нужно немного расслабиться. У тебя очень напряженный голос.

– Да, я как раз...

– Медведька устал, – Маша вещала на запрещенной частоте, которая сделала бы честь любой службе «Удовольствие по телефону». – Мишке нужно почесать шерстку. Я ее уже нежно ласкаю. Мишка знает, где?

Я знал, где. Это был удар ниже пояса – «удар» в фигуральном, «ниже пояса» в буквальном смысле. А еще я знал, что фраза «я сегодня занят» приведет не только к тяжким моральным и физическим увечьям, но и к немедленному появлению моей избранницы прямо в издательстве.

– Жду тебя, – поспешно заключил я. – И целую! Пока!

Оставался единственный шанс: Катерина, как человек воспитанный, должна была предварительно позвонить, чтобы подтвердить встречу. И она позвонила – непосредственно перед приходом. Катя не называла меня «мишкой», не урчала так, что на меня косились сослуживцы, не мурлыкала грудным голосом. Но и ей я не смог сказать, что не смогу встретиться.

Не спрашивайте, почему.

«А будь что будет!» – вот фраза, за которую мужчин следует кастрировать, а женщин – выдавать за кастрированных мужчин.

**

Даже себе не хотелось признаваться, что я жду этой встречи. Когда чего-то особенно ждешь, ничего хорошего никогда не получается, поэтому я изо всех сил не ждала.

Чтобы не прибежать через пятнадцать минут после звонка, я нарочито медленно сходила в магазин за тортиком, буквально контролируя каждый свой шаг, чтобы не бежать вприпрыжку. Но все равно, когда я подошла к подъезду, прошло всего двадцать пять минут. Минуту я мялась, не зная, что бы такое еще сделать, а потом вспомнила, что, как обычно, забыла номер квартиры. И еще десять минут ждала кого-нибудь, с кем можно войти в подъезд. Охранник был мне совершенно не знаком, и, соответственно, не обращал на меня внимания.

Я дождалась какую-то местную тетеньку, поднялась на девятнадцатый этаж и позвонила в знакомую дверь.

Сергей открыл практически мгновенно. Создалось впечатление, что он стоял в коридоре, держа ручку на ручке. В смысле, свою на дверной.

Он радостно разулыбался – так радостно, что даже как-то ненатурально. Мне сразу показалось, что увидев меня, он вздохнул с облегчением. Боялся, что не приду?

Мы прошли на кухню, по дороге Сергей жизнерадостно жестикулировал моим тортиком и наигранно звонким голосом сообщил, что «очень здорово, что ты зашла», два раза споткнулся, ударился плечом о косяк и попытался поставить многострадальный торт мимо стола. Торт я спасла. Чашку, которую он тут же уронил, нет. Чашка, естественно, была полная, вылилось все, естественно, прямо на Сергея, он взвыл и унесся переодеваться. Я осталась на кухне с тортом в руках и кашей в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.